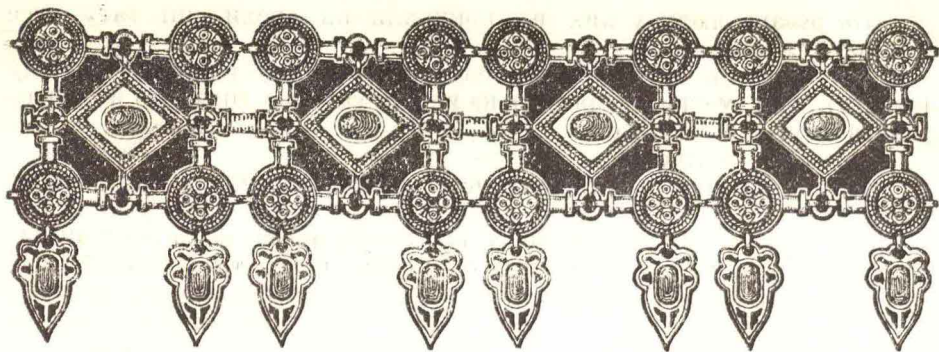

ТУРКМЕНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ РАССКАЗЫ, ПОГОВОРКИ И ПОВЕРЬЯ.

Записал ХОШ-ГЕЛЬДЫ БАХТИАРОВ.

(У туркменских кочевников и земледельцев—Арсари, Теке, Помуд и других племен и родов, существует много легенд, рассказов, поговорок и своеобразных поверий [последние, конечно, главным образом, существуют среди населения отдаленнейших районов, куда лишь недавно стала просачиваться волна культурного строительства Советской власти], из которых некоторые, записанные Хош-Гельды Бахтиаровым попурило, в зависимости от возможности, и предлагаются здесь вниманию наших читателей. Ред.)

„Мудрость“ плешивых.

(Туркменская легенда).

В одном туркменском ауле жили два плешивых,—одного звали Ораз-Кул, другого Нур-Пата.

Жили они бедно. Не было у них собственного дома,—были они не женаты.

Долго думали плешивые, как разбогатеть им.

Наконец, надумали.

Ораз-Кул наложил полный мешок разного мусора,—навозу и проч., а сверху закрыл ватой, и понес этот мешок, как-бы с ватой, продавать на базар.

Нур-Пата проделал, почти, тоже самое. Наложил в мешок разного мусора, а сверху закрыл орехами.

Свою поделку они держали друг от друга в секрете.

На базаре люди у них не покупали ни орехи, ни вату,—все избегали плешивых.

К концу дня Нур-Пата подошел к Ораз-Кулу и предложил ему поменять свой мешок с орехами на мешок ваты, не зная, что и у Ораз-Кула в мешке также навоз.

Ораз-Кул согласился.

Домой плешивые возвращались с радостью, думая, что обманули один другого.

На другой день плешивые хотели поругаться, но затем решили, что это бесцельно, ибо оба были одинаково виноваты.

Подумав, решили плешивые бросить свою „торговлю“, а лучше пойти к местному Хану и попроситься к нему в работники.

Хан принял их и поручил Ораз-Кулу пасти одну корову, а Нур-Пата таскать камни на новую постройку.

Целый день Нур-Пата таскал камни, страшно устал и решил на второй день поменяться работой с Ораз-Кулом.

У Ораз-Кула корова оказалась такая бойкая, что ему пришлось водить ее на веревке, и не только водить, а бегать за ней целый день т.к. она не стояла на одном месте, а, как сумасшедшая, бегала по полю. Ораз Кул так устал с коровой, что еле дотащился до аула.

Когда Нур-Пата предложил Ораз-Кулу поменяться ремеслом, последний охотно согласился и соврал Нур-Пата, сказав, что корова очень смиренная.

Я, говорит, целый день спал на поле, а корова паслась; только, говорит, на поле грязи много. Ты, говорит, возьми с собой завтра кровать и постель,—на поле хорошо будешь отдыхать, а корова будет спокойно пастись.

Нур-Пата, в свою очередь, подврал Ораз-Кулу, что камни таскать,—дело очень простое и легкое. Потаскал мал-мал,—немного отдохнешь, покуришь чилим или нас, потом опять таскай себе,—ничуть не устанешь. Оба они друг другу поверили.

Утром Нур-Пата пошел пасти корову, взяв на плечи кровать и постель.

Корова его таскала, с кроватью и постелью, по полю целый день. В результате к вечеру он потерял кровать и постель, а в аул пришел совсем больным.

Ораз-Кул тоже так умаялся от камней, что к вечеру даже язык высунул.

Соплились на утро плешивые и сильно ругали друг друга, но потом вспомнили, что оба виновны в своих бедах.

Решили плешивые, после этого, убежать от Хана, украв у него корову.

Корова на ночь запирилась в хлеву на замок, а потому живой ее взять было нельзя. Плешивые решили разобрать часть крыши, спуститься в хлев, зарезать корову, а мясо завязать в кожу и утащить.

Так и сделали.

Ночью Нур-Пата спустил Ораз-Кула на веревке в хлев.

Ораз- кул зарезал корову и хотел, было уж, мясо в кожу завязать, да вдруг подумал: „а что если Нур-Пата обманет—возьмет мясо и убежит, а я останусь в хлеве“.

Подумав так, решил Ораз-Кул себя завязать в кожу вместо мяса, а мясо оставить в хлеве.

Так и сделал, а потом крикнул Нур-Пата, чтобы тот тащил „мясо“.

Вытащив Ораз-Кула, завязанного в коже, Нур-Пата, думая, что это мясо, взвалил кожу на плечи и припустился—что было мочи.

Бежал он со своей ношей верст пятнадцать, без отдыха, и всю дорогу смеялся про себя над Ораз-Кулом, радуясь тому, что только одному ему достанется все мясо и он разбогатеет.

Когда он, после 15 верстного пробега, вздумал отдохнуть и бросил кожу, из нее вылез Ораз-Кул и стал благодарить Нур-Пата за доставленное ему удовольствие...

Поругались опять плешивые и решили навсегда покончить дружбу.

Разделили они пополам коровью кожу и пошли по своим аулам убедившись, что обманом долго не проживешь.

(Записано в ауле Кизил-Арват).

Самое трудное—угодить людям.

(Рассказ).

Некий поэт, по имени Акбар Али Машеди, с сыном своим следовал из Кучана в Мешед.

У них имелся только один ишак, на котором ехал отец, а 10-ти летний сын шел пешком.

Встречавшиеся им на дороге люди ругали Акбара, говоря: „вот, дурак,—сам сел на ишака, а сына-малютку заставляет пешком итти“.

Услышав это, Акбар посадил сына на ишака, а пешком пошел сам. Встречавшиеся им вновь люди говорили: „вот, старый дурак, сам еле плетется, а молодого сына посадил на ишака“.

Акбар, рассердился и сел на ишака вдвоем с сыном, но встречные опять продолжали ругать его:—„Вот, посмотрите,—два дурака мучают животное—лень им пешком итти“.

Акбар, после этого, совсем рассердился и, подвезжая к городу, слез с ишака и снял сына.

Горожане, увидев двух, идущих рядом с ишаком, на котором не было груза, говорили: „вот, один старый, а другой молодой,—оба, видимо, глупы одинаково,—ишак идет порожняком, а они пешком плетутся“.

Тогда Акбар Али Машеди так и решил, что на живого человека угодить нельзя.

(Записано в ауле Кизил-Арват).

Хитрого не перехитришь.

(Рассказ).

Один туркмен заехал к своему знакомому переночевать. Хозяина дома не было. Была лишь его жена и, кстати, неприветливая и очень скупая.

Гость все же ночевать остался. Привязав своего ишака, он расположился около кибитки.

Хозяйка к вечеру начала во дворе печь чурек и, сажая тесто, приговаривала: „Пекитесь мои хлебы до завтрашнего утра“.

Гость² понял хитрость хозяйки и, высунувшись из кибитки обращаясь к своему ишаку, сказал:

„Пасись ишак до весны,—твой хозяин здесь будет зимовать“.

Хозяйка поняла, что ее хитрость не удалась и накормила гостя.

(Записано в ауле Анграбад № 1).

Правда в плену у гордости.

(Рассказ).

Два туркмена,—товарищи, возвращаясь с охоты, остановились переночевать у своего знакомого.

Гостеприимный хозяин приготовил хорошую шурпу*) и пригласил гостей ужинать.

Поданная за стол шурпа затянулась сверху жиром, а потому создавалось впечатление, что она достаточно остыла.

Один из гостей, будучи особенно голоден, набрал полную ложку шурпы и, не остудив ее, хлебнул.

Шурпа оказалась настолько горячей, что у гостя полились слезы. Заметив слезы на глазах у своего соседа, второй туркмен спросил: „Что ты плачешь“?

Первый, желая скрыть свою оплошность, отвечал:

„Уходя из дому, я оставил там больных—жену и детей. Теперь, вспомнив о них, я и прослезился.“

Второй туркмен, после такого ответа, не зная истинной причины, заставившей прослезиться первого, в свою очередь тоже хватил достаточную дозу каши и также прослезился.

„А ты почему плачешь“? задал теперь вопрос первый туркмен. Прослезившийся ответил:

„Когда ты мне сказал, что у тебя больная семья, то я подумал, что жена твоя и дети, наверное, уже умерли. Подумав так, я и прослезился...“

(Записано в ауле Гассан-Кули).

Каждый стремится скрывать свои недостатки.

(Рассказ).

Их было трое: один—плешивый, один—слепой и третий—заика. Путешествовали они, как беспризорные,—никому ненужные и ни на что не способные.

Чтобы никому не бросались в глаза их недостатки, они условились тщательно их скрывать.

Придя в первую попавшуюся на пути их следования кибитку, они были угощены супом и чаем.

После обильного угощения плешивый очень вспотел. Требовалось снять шапку и вытереть на голове пот, но этого он сделать не мог, дабы не обнажить свой недостаток. Поэтому он поступил так: — „Я люблю просторные шапки (туркмены носят шапки едва налегающие на затылок. Ред.)—обратился, прежде всего, он к окружающим—„она, эта шапка, хороша тем, что ее ветром не сшибет, и, помимо этого, ее свободно можно на голове повернуть передом назад и задом наперед“,—говоря это, он повернул шапку,—передом назад, отерев, таким образом, скопившийся пот и не выдав своей плешивости.

Заика—запел, любимый у туркмен напев, не вступая в разговоры, а лишь кивая головой на одобрения; и так пел без конца.

Слепой сказал: „Я в молодости очень хороший стрелок был. Бывали случаи, что я по пять уток на лету сшибал, но теперь этим не занимаюсь,—ружье у меня украли“...

(Записано в ауле Гассан-Кули)

*. Туркменское кушание

Все муллы „глухие“ и „слепые“^{*)}.

(Рассказ)

Один мулла шел, поздно вечером, из соседнего аула домой,—в свой аул. Дорогу хорошо он не знал и попал на берег болота, где и увяз по пояс в грязи. Целую ночь он старался освободиться, но это ему не удавалось.

Утром мимо озера шел дехкан, который, увидев завязшего в грязь муллу, подошел к нему и стал просить у него руку, чтобы помочь ему выбраться.

Но сколько дехкан не просил руку муллы,—последний даже не пошевелился.

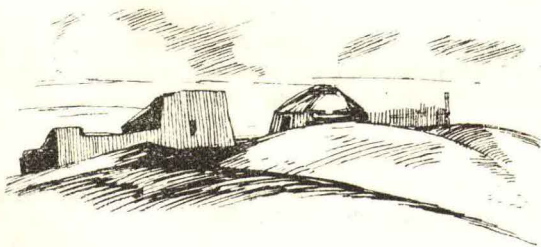
Дехкан, в недоумении, не знал, что делать и как поступить. Увидев идущего по дороге другого дехкана, он нагнал его и стал просить, чтобы тот помог уговорить муллу дать свою руку.

Выслушав, второй дехкан рассмеялся. Если ты его хочешь вытащить из грязи, сказал он, то подойди к мулле и скажи: „На руку“,—тогда он тебе ее даст и ты его вытащишь.

Первый дехкан так и поступил. Подойдя к мулле, он сказал: „На руку“. Мулла, действительно, дал тогда руку и дехкан вытащил его из грязи.

(Записана в ауле Кизил-Арват).

*) „Муллы, когда им что-либо даешь,—и видят и слышат хорошо, а когда просить что нибудь начнешь, сразу „глохнут“ и „слепнут“ (из туркм. поговорок).

ТУРКМЕНСКИЕ ПОВЕРЬЯ

(Из записной книжки ХОШ-ГЕЛЬДЫ БАХТИАРОВА)

„Солнце—ходит, земля—стоит“, говорят старики туркмены, и поэтому поучают:—„Перед тем, как солнцу утром выйти над грешной землей, все должны молиться о том, чтобы солнце вышло, иначе оно повернет назад“.

Луна, по старинному туркменскому поверью, „ежемесячно нарождается новая,—старая пропадает“.

Если около туркменской кибитки есть деревья, или печь, то, после того, как село солнце, женщинам и детям подходить к ним воспрещается, так как—„около печек и деревьев есть ведьмы и домовые“.

Когда у туркмен заболевает новорожденный, они говорят, что в этот день где либо родилась кошка, или другое животное, рождение которого и отразилось на новорожденном.

Для того, чтобы оградить своего ребенка от всякого вида болезней, туркмены берут монету (любого достоинства) и обводят ею три раза вокруг головы ребенка, а затем отдают монету нищему или бедняку-соседу.

Туркмены рвут с кибитки черные места от кошмы, мешают с солью, зажигают, и ходят вокруг, дабы „избавить семью“—от бед (от сумасшествия).

Мешают соль и уголь, которые привешивают на скот и людей чтобы никто их „не сглазил“.

У собак и кошек текинцы обрезают уши, „чтобы не было злого духа в той посуде хозяина, в которой эти животные будут купать“. Есть другое „чтобы были злее и, не имея конечностей, лучше справились с волком.“

К тому месту, где есть кровь зарезанных баранов, не ходят даже и мужчины, если эта кровь не сожжена.

По поверью туркмен, не сказав „бисмийле“—сыт не будешь, хотя бы даже если много кушал.

Кушать и пить с открытой головой у туркмен—„грешно“.

За попытку насилия над женщиной,—туркмены отрезают виновному ухо или нос.

„ЛУНА ВЗОЙДЕТ—МИР ЭТО УВИДИТ“

(Тридцать избранных туркменских поговорок)

(Из записной книжки ХОШ-ГЕЛЬДЫ БАХТИАРОВА)

1. Когда обувь тесна,—от широты мира нет пользы.
2. Сколько бы дитя ни плакало,—тут*), в свое время, созреет.
3. Прочитанная тобою молитва,—не стоит покоя разбуженных лягушек.
4. Ученый не умрет - невежда не посмеется.
5. Хоть ты и был в Мекке,—глаза у тебя те-же.
6. Бога на помощь зови,—но осла, все же, держи на привязи.
7. Большой осел научит осленка только оловству.
8. Умный себя винит, глупый—товарища.
9. Лишь только осел ожиреет,—лягнет хозяина.
10. Собачьей обиды—не понять ее хозяину.
11. Вода утечет—камень останется.
12. На льду пыли не ищи.
13. Кровью—кровь не смоешь.
14. Каждый собирает посеянное.
15. Один день знакомства—даст тысячу дней дружбы.
16. У скупого не будет сада, а в саду плодов.
17. Хорошая собака—лучше нечестного человека.
18. Сабля свою ножну не режет.
19. Месту, где не положен труд, нет имени.
20. Вместо тысячи, работающих без рассудка, лучше один, да с головой.

* Шелковица.

21. Собранное по ложке,—не выплескивай тазом.
22. И это пройдет.
23. Если двое сказали—„ты пьян“—ложись в постель.
24. Хорошему скакуну достаточно одного удара,—плохому и тысячи мало.
25. У мужественного человека, во время драки, шуток не бывает.
26. Кто думает о последствиях,—храбрецом не будет.
27. Трус увеличивает опасность.
28. Купи лошадь с хорошим ходом,—жену возьми с рассудком.
29. Если жена ветренная,—мир в стране не для тебя.

ТУРКМЕНСКИЕ ПРЕДАНИЯ

О ДРЕВНИХ КРЕПОСТЯХ В КААХКИНСКОМ РАЙОНЕ.

Записал Хош-Гельды Бахтиаров.

(Весной 1925 года часть сотрудников ЦИК'а ТССР, будучи командирована на места для проведения подготовительных работ по районированию Туркмени, производила полевые работы в Каахкинском районе. Там, наряду с основной работой, удалось произвести записи преданий Али-Илинцев о крепостях, воздвигнутых древними обитателями Туркмени и сохранившихся до нашего времени в полуразрушенном состоянии.

Часть этих записей, произведенных Хош-Гельды Бахтиаровым со слов Али-Илинцев—жителей аулов Он-беш и Юз-баша Каахкинского района, и предлагаются ниже вниманию наших читателей. Ред.)

„П Е Ш Д А Г“ *)

„В древнее время крепость Пешдаг была столицей армянского царя Лазаря Хосрова. Это было, приблизительно, 2800 **) лет тому назад.

В Пешдаге Хосровым была выстроена из жженого кирпича башня. Эта башня была настолько высока, что в ясные дни с ее вершины можно было видеть Хиву и Мерв. Эта же башня была и дворцом Хосрова, в котором он жил.

К северу от Пешдага, приблизительно в полуверсте, имеется холм, который служил раньше сторожевым пунктом. Там находились дозоры-сигнальщики.

На некотором расстоянии от этого холма находится другой холм, носящий название Хосров-Кала. Этот холм служил для царя Хосрова дачным местом, куда он выезжал из Пешдага, со всей своей

*) Пеш—крепость, Даг—возвышенное место (холм). Развалины крепости „Пешдаг“ находятся в 7 километрах от Каахка—вблизи аула Кизилджа-Кала.

**) Дата 2800 лет—сомнительна.

свитой и двором, на летний период. На этом же холме, в Хосров-Кала жила всегда и дочь царя, славившаяся своей особенной красотой.

Персидский Шах, случайно однажды видевший дочь Лазаря, был очарован ею и неоднократно просил у Хосрова руки его дочери красавицы, но Лазарь, каждый раз, отказывал ему.

Шах не хотел мириться с отказом Хосрова, и несколько раз предпринимал походы на Пешдаг со своим войском, стремясь силой захватить красавицу.

Походы Шаха не увенчались успехом, так как Пешдаг был окружен глубоким рвом, наполненным водой, и перейти его не представлялось возможным. Холм Хосров-Кала, летняя резиденция царя Хосрова и его дочери,—был укреплен таким же образом.

Дочь Хосрова, в свою очередь влюбленная в Шаха, видя что все попытки возлюбленного завлечь ее безуспешны, решила помочь делу. Она послала секретного гонца к Шаху с письмом, в котором советовала прибегнуть к хитрости. Она рекомендовала высыпать в верховьях реки Козган Чая несколько выюков самана (соломы-трухи) и следить,—где будет собираться саман, кружась на поверхности воды, а затем, там и искать скрытого под водой отверстия,—трубы, через которое пользуется Пешдаг и Хосров-Кала водою, и наполняются рвы вокруг крепостей.

Обнаруженное отверстие она рекомендовала закрыть,—что и облегчит победу.

Персидский шах последовал совету своей возлюбленной. Рвы вокруг Пешдага и Хосров-Кала обмелели, и царь Хосров, побоявшийся разгрома, сдал крепость Шаху без боя, после чего и дочь его сделалась женой победителя.

Через несколько лет после победы Шаха, Хосров затеял войну с царем Хавер-Замина.

В результате крепость Пешдаг была взята врагом, а Хосров, после полного разгрома своих войск, бежал в неизвестном направлении.

„К О Н А - Б А В А Р Т“

„Лет 200 тому назад персидский царь Кирман-Шах завоевал крепость Кона-Баварт и поселился в ней жить.

Через 70 лет после завоевания им Кона-Баварта, прибыли туда в большом числе Али-Илинцы, и завладели крепостью.

Через некоторое время, на Востоке появился царь Гяуров, который прошел через Хиву и завладел Мангишлаком у Каспийского моря, где жили текинцы.

Али-Илинцы, которым принадлежала тогда вся территория от Чарджуя до Каспийского моря, узнав о появлении в Мангишлаке царя Гяуров, в страхе бежали в Нур-Кара-Баир (Афганистан).

Текинцы пожаловались царю Гяуров, что их обижают лезгины и армяне и просили разрешить им переселиться в Аркач (родина

Али-Илинцев, нынешний Каахкинский район), ввиду того, что Али-илинцы ушли оттуда и Аркач пустует.

Переселение было разрешено текинцам и они, под предводительством Кеймир-Кера, ушли в Аркач.

Ввиду того, что текинцы, у которых было более 5.000 киби ток, численностью превосходили Али-Илинцев, оставшихся в Аркаче, они часто обижали последних.

Это побудило оставшихся Али-Илинцев бежать также в Нур-Кара-Баир, при чем часть из них, не имевшая перевозочных средств, вынуждена была перейти на жительство в старый Арчиньян на Урек-Чешме и Серменче-Дене. Там они приняли подданство Персии и платили ей налоги, а Персия стала защищать их от текинцев.

За 6 лет до завоевания Туркменского края русскими, Али-Илинцы стали переселяться на прежние места, и образовали становище Каахка, где живут и по настоящее время.

Развалины старого Арчиньяна находятся вблизи русского поселка того же наименования, а Наврек-Чешме, что значит новая невеста, находится недалеко от аула Юз-Баши.

„К О Н А - К А А Х К А“*)

„1200 лет тому назад, когда неверных обращали в магометанство, на месте теперешнего Каахка жили идолопоклонники.

Вокруг крепости Кона-Каахка, на протяжении 2-х верст, тянулся широкий ров, наполненный водой. Каахкинцы выходили из своей крепости по секретному растяжному мосту. На воротах крепости находилась страшная змея, защищавшая крепость от врагов.

Крепость Кона-Каахка была завоевана Халифом Али. Последний, чтобы завладеть крепостью перебрался через ров конец толстого каната, по которому войска Али стали перебираться в крепость через воду.

Али вошел в крепость первым и зарубил змею.

Таким образом крепость была взята, а жители ее обращены в магометанство“.

„К А Р А Х А Н“.

„Крепость Карахан основана старшиной одного из родов племени Али-Или, по имени Карахан, при следующих обстоятельствах: туркмены—Салыры и Сарыки напали на живших в этом месте Али-Илинцев. Произошел большой бой, в котором погибло много народа с обеих сторон. Место битвы было тогда названо Кара-Кан, т. е. черная кровь. И, вскоре, там была выстроена крепость, названная именем победителя Али-Илинцев—Карахан.

*) Кона—старинная. Каахка—смех.

„АРМАН-САХАТ и АЛИ-АВАТ“.

Недалеко от крепости Карахан, около 3-х верст к югу, сохранились развалины крепости Арман-Сагат, выстроенной 500 лет тому назад.

Кем, и при каких обстоятельствах она была основана, старики не знают.

На расстоянии одной версты от Арман-Сагата, в сторону Персии, имеются развалины крепости, первоначально называвшейся по имени жившего там рода Али-Ават.

Основана она лет около 70 назад.

„Через некоторое время после своего основания, она была взята туркменами Теке, пришедшими со стороны Геок Тепе, через ущелье Ныек, так, что Али-Илинцы, ныне живущие в аулах Он-Беги и Юз-Баши, не были предупреждены своевременно о приближении неприятеля. Текинцы, после взятия крепости Али-Авата, разрушили ее, а жителей взяли в плен.

Спасшиеся бежали вглубь Персии и поселились в Келята.

В числе пленных был сам предводитель—Али-Ават, впоследствии убитый.

Через несколько лет, после взятия края русскими, в крепости осела группа Али-Или, во главе с Ходжа-Метом, имя которого она и носит по сие время.

Остатки огнепоклонства у туркмен.

(из записной книжки ХОШ-ГЕЛЬДЫ БАХТИАРОВА)

В 1922 году, в октябре месяце, в ауле Гассан-Кули мне пришлось наблюдать следующую картину: вечером, когда зашло солнце, почти, у каждой кибитки появились костры, вокруг которых собирались группы туркмен, главным образом женщины и дети. Когда пламя костров увеличилось, женщины с детьми на руках стали прыгать через огонь, при чем были слышны какие-то выкрики.

Кроме того, дети, совместно со старшими, пускали воздушные змеи, к которым была прикреплена зажженная пакля. Заженную паклю, кроме того, детишки с криками метали вверх, или вертели вокруг себя, над головой.

Квартирохозяин, у которого мы остановились на ночлег, заметив проявляемый нами интерес к происходящему, сообщил нам: „Сегодня КАРА-ЧАРШАМБЕ (в переводе на русский—черная среда), которая бывает один раз в год.

Прыгающие в этот вечер через костер получают избавление от всяких болезней и недугов.

Женщины, прыгающие с детьми на руках, надеются излечить детей от тех болезней, которыми они одержимы в данное время, или предупредить заболевания на будущее“.

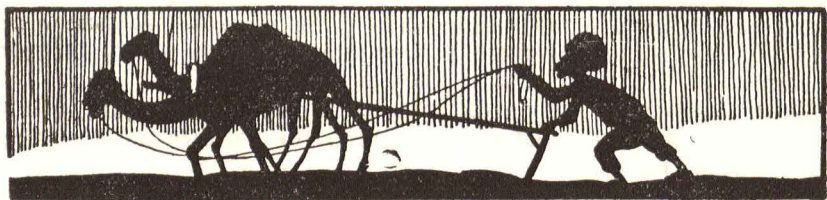
Три года спустя, по моей просьбе, мне сообщили из районов Каахка и Иолотани, что кое где, среди племен Али—Или и Сарыков, также, как и у Гасан-Кулинских иомудов, один раз в году справляют праздник огня, с той лишь разницей, что у Али-Илинцев, например справляют праздник в среду, под новый год, и день этот называется АХИР-ЧАРШАМБЕ.

Все прыгающие через костры получают как бы омовение огнем, и тем самым избавляются от грехов, накопившихся за год.

У Сарыков, этот день приходится также под новый год в среду и называется АМАН-ОТ (княжеская жертва).

Следует отметить, что день огня справляется среди тех групп населения туркмен, которые ближе других соприкасались в прошлом и соприкасаются и теперь с персидским населением.

Среди населения, удаленного от границы с Персией, не наблюдается праздников в честь огня. Этот признак дает повод предполагать, что огнепоклонство к туркменам занесено с юга, из Персии, а к Гасан-Кулинским иомудам в частности, из-за Каспия, с Кавказа.

ТУРКМЕНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И РАССКАЗЫ

„НАМАЗЫ“

(Легенда)

Записал ХОШ-ГЕЛЬДЫ БАХТИАРОВ.

Давно было дело. Когда еще не все туркмены были мусульмане, один из них, по имени Алты-Берды, приехал на ишаке в Бухару на базар.

В первой попавшейся чайхане он попросил чаю и чурека.

Хозяин чайханы сказал туркмену, что он днем не продает чаю и чурека потому, что теперь ураза*).

Туркмен не знал, что такое ураза,—поехал к другой чайхане, там тоже попросил чаю и чурека. И в другой чайхане ему ответили то же, заявив, что сегодня ураза.

И так туркмен несколько чайхан об'ехал, всюду ему говорят: ураза, ураза.

Алты-Берды рассердился и спрашивает первого попавшегося муллу:—скажи, юлдаш, что это за ураза, что это за намазы**), про которые мне во всех чайханах повторяют, а никто не показал мне эту уразу и намазы.

Мулла, увидя, что туркмен совершенно не имеет понятия об уразе и о намазах, начал ему подробно рассказывать, что такое ураза и намазы.

Рассказал также и о том, что человек, держащий уразу и совершающий намазы, попадает в рай к Магомету и Аллаху, где много меда, хлеба и женщин и где, ничего не делая, можно хорошо жить.

Туркмен, услышав такие неслыханные обещания, попросил муллу продать ему кранов***) на пять несколько намазов и уразу.

Мулла, как человек жадный на деньги, увидя, что туркмен не совсем понял о намазах и уразе—говорит Алты-Берды:

—Намазов я тебе продам, только они дорого стоят.

*) Праздник.

**) Молитвы.

***) Кран — 17½ к.—персидская монета.

— Для того, чтобы весь твой аул попал в рай, нужно намазов тебе купить на 200 тенге**).

Долго Алты-Берды торговался, в конце концов договорились, что мулла за 150 тенге даст туркмену столько намазов, что их хватит на весь его аул.

Условились, где и когда получить намазы.

Мулла в своем доме приготовил пустую дыню, куда посадил около ста штук ос, и пришедшему к нему на второй день туркмену начал объяснять так:

— Когда приедешь в свой аул,—выбери одну пустую комнату, созови взрослых людей всего аула, которые пусть войдут в комнату нагими. А когда все войдут, войди и ты с дыней, разбей ее об пол и вы все будете получать по одному намазу и по одной уразе. А для того, чтобы нежелающие получить намазы и быть в раю не убежали из комнаты, то ты поставь в дверях караул, который бы всех нежелающих попасть в рай—грешников, при их попытке выбежать из комнаты—загонял обратно, а в крайнем случае и убивал бы палкой“.

Алты-Берды все выслушал и заявил, что он все сказанное муллой в точности выполнит.

Уезжая он спросил: „А почему намазы буянят в дыне“.

Мулла пояснил, что в эту дыню он посадил больших и маленьких намазов, и что эти большие обучают маленьких, и пока туркмен доедет до аула, то все маленькие глупенькие намазы будут тоже большими и смышлеными, что окажется на пользу людям аула.

Алты-Берды, приехав на своем ишаке в аул, не сказав никому „селяма“, начал всех созывать в одну комнату за получением намаза и рая.

Всем передал слова муллы, все исполнили все то, что требовал Алты-Берды.

Одни только женщины да дети не были приглашены получить намаза.

Алты-Берды, не дождавшись пока все войдут в комнату, поторопился сам войти.

Но когда он входил, за ним вслед бросились несколько человек—дабы не остаться, не получив намаза.

Стопнулись в дверях, толкнули так Алты-Берды, что у него из рук вылетела дыня, и осы, освободившись от заключения, озлобленно набросились на наготу людей.

Люди начали хлопать себя то по шее, то по животу, в темноте и тесноте били не только по собственному телу, но задевали по затылку друг друга.

Получилась небывалая для аула свалка.

Всякий бил, кричал, что делалось, никто понять не мог.

Некоторые хотели выбежать из комнаты, но предупрежденный караул строго и точно исполнял свои обязанности.

Никого не выпускали.

В конце концов осы добрались и до караула. Последние, бросив палки, тоже начали обороняться от ос, кто как мог, чем дали возможность всем людям выбежать из комнаты и бежать, куда глаза глядят от злых намазов.

Некоторые из них побежали в сторону песков, где ввиду силь-

*) Бухарская тенге—15 коп.

ной жары, безводицы и от того, что намазы не давали им передышки, — многие умерли, некоторые, освободившись от ос, возвращались, а некоторые продолжали бегать от намазов.

Жены и дети, не поняв в чем дело, со слезами бросились тоже в пески с целью розыска своих мужей и родителей.

По пути, встречных они спрашивали: „Не видели ли те их родных“.

Встречные объясняли, что одного разыскиваемого один намаз погнал в сторону Хивы, а другому два намаза уцепились в голову и потащили его в сторону Персии — повидимому, ближе к раю.

Алты-Берды, поняв, что над ним бухарский мулла подшутил, решил поехать в Бухару и отомстить мулле.

Причем нужно добавить, что когда мулла продавал туркмену намазы, то он пояснил, что намазы и уразу дает сам Аллах и его пророк Магомет.

Туркмен, заехав в Бухару, начал кричать, что есть мочи, чтобы ему привели Аллаха и пророка.

Тому, кто приведет, он заплатит 50 теньке.

Тот-же мулла, который продал намазы, подошел к туркмену и заявил ему, что он ему покажет за 100 теньге и Аллаха и пророка.

Мулла был жаден на деньги.

Туркмен не узнал, что это тот самый мулла, который продал ему намаз.

Сторговались на 75 теньге.

Мулла сказал туркмену, чтобы он на другой день вышел за город к одной старой развалившейся кале*), где его будет ожидать и Аллах и пророк.

Дал туркмену одного сопровождающего.

Туркмен утром с сопровождающим муллой подходит к крепости и видит: на развалинах сидят два человека, один сидит повыше в большой чалме, а один пониже — в маленькой.

Сопровождающий мулла пояснил туркмену, что вышесидящий есть Аллах, а ниже — пророк, и отошедши от туркмена, стал из-за угла следить за ним.

На крепости сидели, конечно, не Аллах и не пророк, а тот мулла, который продал намазы и один его товарищ.

Алты-Берды, подошедши к кале, спросил сидящего выше: „Ты ли есть Аллах“. Последний кивнул головой утвердительно.

„Ты ли пророк“ — спросил нижесидящего.

Тот тоже кивнул головой.

Туркмен, поклонившись, спрашивает:

„Скажи, Аллах, правда-ли, что у тебя много намазов и кто их покупает, тот попадает в рай“.

Аллах кивнул головой, а пророк сказал: „Непременно“.

Туркмен спрашивает еще: „О, великий Аллах, не ты ли даешь кары, болезнь, смерть тем, кто тебе не нравится“.

Аллах кивнул головой, а Магомет повторил: „Непременно“.

— „Не ты ли, великий Аллах, — спрашивает туркмен, — убиваешь скот, губишь посевы и даешь жару на землю“.

Аллах кивнул головой, а пророк повторил: „Непременно“.

Наконец, туркмен спрашивает: „Не ты ли, Аллах, виновен в том, что недавно у меня умерли два любимых сына, жена и отец“.

*) Кала — крепость.

Аллах кивнул головой, пророк подтвердил: „Непременно“.

Туркмен, обнажив шашку, начал приближаться к Аллаху и пророку со словами:—Ох, как я счастлив, что в конце концов разыскал своих противников и имею возможность отомстить им.

Приблизившись, он снял с них головы.

Тот мулла, который следил за действиями туркмена, увидев, что он убил обоих его товарищей, побежал к эмиру и заявил последнему, что в Бухару явился из песков один туркмен, который убивает эмирских мулл.

Эмир рассердился и приказал привести к нему туркмена.

Когда последний явился, эмир спрашивает его:—Зачем он убивает эмирских мулл.

Туркмен отвечает:—О, мощный эмир, ни одного муллы я в твоём эмиратстве не убивал, а убил я тех, которых и ты, эмир, не пощадил-бы.

Я избавил не только себя и тебя, баяр-эмир, а и весь твой народ от всех бед и несчастий.

Твои дети и жена будут теперь жить вечно. Скот никогда не подохнет, урожай на полях будет хороший ежегодно.

Эмир заинтересовался и узнал от туркмена все, что случилось.

Алты-Берды рассказал все, с начала до конца, как было дело.

Эмир, поняв в чем дело, освободил туркмена, а муллам дал указ, чтобы они с туркменами дела не имели и не шутили.

*Записано в ауле Нухур. *)*

МУДРЫЙ ВОПРОС.

(рассказ)

Буджнурским ханством правил мудрый хан—Хасан-Али.

В городе Буджнуре в это время жил тоже один мудрый мулла.

Последний много думал о том, как бы предупредить бедствия людские, несчастья, могущие постигнуть человека каждый день и на каждом шагу.

Мечтая об этом, он пришел к заключению, что люди в большинстве случаев страдают:

во-первых, от богатства и славы;

во-вторых, от собственного языка;

и в третьих, и больше всего, от хитрости и козней своих собственных жен.

Придя к такому заключению, он решил записать эти мысли на жестяную дощечку и вывесить ее у главных ворот города, в назидание людям.

Так и поступил.

Слух о такой надписи дошел до хана Хасан-Али. Он послал слуг, чтобы они переписали в точности надпись и доставили бы ему.

Когда принесли копию написанного муллой, он стал разбирать эти надписи и определять: насколько они верны, как назидания.

В первых двух случаях он согласился с автором, относительно же хитрости и козней жен он не мог согласиться с муллой. Сколько

*) Перевод, печатаемых нами туркменских рассказов—дословный. Стиль сохранен. (Ред.).

ни ломал головы—все-таки приходил к такому выводу, что мулла ошибся в последнем своем назидании.

Наконец, он позвал муллу к себе во дворец, с целью получения ответа по третьей надписи.

В то время у хана было сорок жен, из числа коих одна была любимая им больше остальных и которая всегда находилась в покоях хана.

Когда мулла пришел к хану, любимая жена последнего находилась в ханской комнате и приняла участие в разговорах хана с муллой.

Хан попросил муллу дать ответы по всем трем вопросам его надписи. Мулла дал на первые два вопроса ответы, хан подтвердил, что и он так думал.

Когда же мулла собирался перейти к объяснениям по третьему вопросу, то жена хана перебила муллу и, обращаясь к хану, заявила, что она на такой простой вопрос сумеет сама хану дать ответ, более исчерпывающий, чем мог бы дать мулла, и добавила, что мулла, видимо, утомился, его следовало бы отпустить на кухню покушать, а затем отдохнуть, а на утро она в присутствии муллы будет давать хану объяснения по третьему вопросу.

Хан всегда удовлетворял просьбы любимой жены и на этот раз он согласился с ней, отпустив муллу покушать и отдохнуть, отложив разговоры до утра следующего дня.

*
* *

Хан имел привычку каждый вечер, перед тем, как ложиться спать, предупреждать свою любимую жену, чтобы она приготовила на утро смену чистого белья, а за ночь подкрасила-бы ему бороду. А для того, чтобы жене было удобнее красить его бороду—хан ложился головой на колени сидящей жены.

И в этот вечер он поступил так же. Когда хан уснул, жена поднесла к носу хана сонных капель, чтобы он крепче спал, а бороду его, усы, брови и голову залепила глиной, после действия которой все волосы выпадают совершенно.

Сняв глину с бороды, бровей и головы вместе с волосами жена распорядилась, чтобы верный ее слуга и любимец хана, во-первых, предупредил дворцовую прислугу, чтобы она не выпускала приглашенного муллу из дворца до ее распоряжения, а во-вторых, завернул бы хана в палас и отнес за город и оставил бы его там—около надписи муллы—до утра.

Слуга так и поступил.

Когда проснулся хан, то он никак не мог понять, что с ним случилось,—не имея бороды, бровей и волос на голове. После того как прочел надпись, догадался в проделках жены,—он решил не возвращаться в город. Стыдно было. А решил уйти в ближайший город и жить там до тех пор, пока обрастет бородой и волосами на голове и бровях.

Придя в город, он нанялся сначала пастухом, а затем, прожив несколько месяцев, когда показались волосы, поступил на должность учителя в школу.

Учительствовал он три года. В течение этого срока у него отрасла борода до прежнего состояния и он решил вернуться в свое ханство.

Для того, чтобы его встретили с почестями, он, выйдя из города (выехал верхом на лошади), объявил по селам о своем возвращении.

Весть о возвращении дошла до города и до его любимой жены, которая в течение трехлетнего его отсутствия управляла ханством.

Когда она услышала о возвращении хана, то послала ему на встречу того же слугу, который отнес хана за город, наказав, чтобы слуга дал хану под нос сонных капель и когда хан заснет, завернул бы его в палас и принес к ней во дворец.

Слуга так и поступил. Хан обрадовавшись встрече с любимым слугой, расцеловал его и посадил на лошадь сзади себя.

Слуга, сидя сзади хана, стал курить насвой.*) Хан тоже захотел курить и попросил слугу, чтобы он дал ему.

Слуга, когда подносил ко рту хана носковок, дал ему понюхать (незаметно) и сонных капель. Хан заснул. Слуга положил его в палас и доставил к ханше.

Ханша положила сонного хана головой к себе на колени и начала ему красить бороду.

Хан, проснувшись на утро, стал спрашивать жену, как он очутился на постели, когда он ехал из города днем.

Жена, не подавая вида о том, что проделала, стала удивленно выслушивать рассказ хана и, в заключение, сказала ему, что хан, видимо, все это видел во сне, ибо она, сидя с ним вместе, сама тоже удивлена была тем, что хан чересчур долго спал. И не будила, полагая, что хан видит хороший сон.

Хан не хотел согласиться с женой. Но, судя по тому, как с ним все произошло загадочно, в конце концов поверил жене.

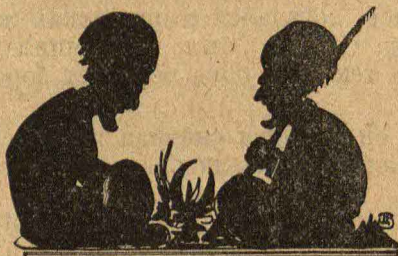
Когда хан сказал слово согласия на убеждения жены и в присутствии „вчерашнего“ муллы, она рассказала все то, что действительно было.

После слов и действий жены хан понял смысл надписи муллы, отпустил его, приказав всех жен отпустить из дворца, оставив при себе только любимую.

Хан думал: „Если любимая жена оказалась в состоянии перехитрить хана и накачать только за его неверие в мудрость муллы, то остальные жены, пожалуй, худшие козни изыщут, чтобы отомстить хану за его неуважение к ним“.

Записано в ауле Кзыл-Арват.

*) „Насвой“ — зеленый табак.

РУКА МУЛЛЫ

(Из туркменских сказок)

ЛИТЭКСЫ.

Один мулла седой и толстый
Однажды, в летний зной, решил,
Что в ближней речке очень просто
Свое он тело-б освежил.

И он пошел туда, где струи
Звонят ложась на песок,
Где небо белое целует
Спаленным солнцем нить дорог.

Мы знаем все,—мулла знал тоже—
Случайно утонуть легко;
Предупредил его прохожий
Что в этой речке глубоко.

Но обольщенный лаской влаги
Не видел он глаза глубин,
Решивши, что Аллах всеблагий
Хранит его среди стремнин.

И вот мулла по детски весел,
Он полон жизненным вином;
Вода, его касаясь чресел,
Играет солнечным лучем.

Мулла сегодня сын природы,
Он сделал шаг, еще другой,—
И вот шутя сомкнулись воды
Над стариковской головой.

А солнце также в зное стынет
И даль отлита из стекла,
И лишь вода в полоске синей
Белевший жемчуг понесла.

О, Архимед! О, Маг Великий!
И всплыл мулла над бездной вод,
Сожженный страхом, диким криком
Мулла спасителей зовет.

И там, где солнце не устанет
Поить лучами желтый луг,
Припли соселние дехкане
Спасать тонувшего муллу.

Кричали: „Дай!... давай-же руку!...“
Перед взволнованной толпой,
В воде выделявая трюки,
Мулла метался как слепой.

И вот прислушиваясь к крику,
Решился кто-то им сказать:
„Давать что либо не привык он,—
Мулла привык лишь только брать“...

— „Возьми, Аллах тебе порукой...“
Тогда толпа произнесла,—
И взял спасительную руку
И вылез на берег мулла.

Ш А Х - И Л Я Н

(Сказание)

Записал В. ПОРШАКОВ.

Шел по песчанной степи один бедный теке. Он был калтаман и ненавидел богатых, которые отбирали у бедняков и воду и землю, покупали себе жен, ставили новые юрты, пили душистый „чал“ и кричали на батраков.

Однажды этот калтаман свел у богача корову и погнал ее, через песчанную степь, в другой аул продавать. Шел он с коровой и раздумывал: если продам ее за двадцать „манат“, куплю себе и друзьям терьяку,—покурим и забудемся от нашей бедности...

Вдруг он увидел перед собой змею, у которой на голове было два рожка, похожие на раковины клеверной улитки.

Быстро снял калтаман с головы папаху и, со словами—„бис-смилля-иль рахман-иль рахим“, накрыл змею и остановился перед папахой, как вкопанный. Очарованный счастьем он не дышал и не знал, что делать.

Вдруг папаха чуть-чуть поколебалась и из-под нее быстро выползла змея, но уже без рожков на голове, и скрылась в песке.

Со страхом опустился калтаман на колени, повторил свою молитву и затем тихонько приподнял папаху. Тут он увидел, что змея положила оба рожка в маленькие ямки.—О, бедняк,—услышал он затем тихий голос—для тебя я сняла эту драгоценность,—возьми, владей и поделись с братьями-бедняками.

Осторожно, с молитвой, взял калтаман оба рожка и положил их в боковой карман, ближе к сердцу, которое смеялось и прыгало.

Бросил он украденную корову и пустился бежать. Бежал он и думал: если дадут мне за эти рожки сто „манат“—куплю себе та-нап земли, лошадь и юрту и буду работать, как настоящий хозяин, и тогда уже перестану воровать.

Скоро он добежал до города, пришел в мечеть и обратился к одному ученому мужу.

— Муаллим, один мой друг нашел в степи Шах-Илян и она подарила ему два рожка с головы своей. Что это значит? И полезно-ли держать за пазухой эти рожки? Друг мой бедный и глухой и не знает, что ему делать с рожками.

— Твой друг такой же как и ты вор и разбойник. Шах-Илян не может бедняку отдать свои рожки. Скажи своему другу, что в этом нет ничего особенного, но если твой друг хочет благочестия, то скажи, чтобы он принес эти рожки мне,—я помолюсь за его погибшую душу и дам ему от любви к бедности его—лошадь, халат и папаху.

—О, муаллим, у друга моего нет рожков Шах-Илян и я спросил тебя только потому, что я хочу идти в степь и искать эти рожки. Для тебя я постараюсь и если найду, то принесу их тебе, мой господин, ибо слова твои осыпали меня надеждой и счастьем, как золотыми.

Польщенный словами калтамана, ученый муж подробно рассказывал, что эти рожки чудны тем, что кто их имеет, тот над всем будет господином, и в его власти будут и земля, и вода, и что есть в земле.—Сделается так, что богатые будут поливать тебе воду на руки из кумгана; будут тебе разливать и подавать зеленый чай; приведут тебе оседланного коня, посадят тебя на него и будут за тобой ездить, как слуги. Иди, ищи рожки эти—они чудодейственны,—но помни, что они должны быть только в руках ученых, которые ближе к богу, а через ученых и вы, бедняки, получите царство божие.

Хитрый бедняк поблагодарил за совет, поклонился и ушел.

Уйдя в степь, за город, он захотел испытать волшебную силу рожков. Тихий голос, опять как шум камыша, сказал ему: „положи рожки Шах-Илян на темя, под папаху и делай что ты задумал.“

Калтаман так и сделал, и пошел во двор к первому в городе богачу, у которого он не раз уводил скотину.

Как только он вошел в ворота, все находящиеся у богача гости—муллы и бай—встали, поклонились ему, посадили его на самое почетное место и преподнесли ему плов и „чал“. Гости льстили ему, а он сидел в рваной обуви, в трепаной папаше и в заплатанном халате.

После угощения счастливый бедняк поблагодарил хозяина и хотел уходить, но к нему подошел богатый и спросил:—Не угодно-ли тебе что-нибудь от щедрот моих?

— Видишь-ли, у меня нет лошади, а у тебя вон стоят в конюшне жеребцы и кобылы—ответил бедняк.

— Пожалуйста, возьми себе коня, какой тебе понравится!

Счастливый бедняк уехал сытым, довольным, но и задумчивым.—Как же так?—спрашивал он себя,—когда бедняк имеет власть, то и муллы и бай кланяются ему и одаривают его. А ну-ка, пойду я к тому же богачу завтра, но без рожков Шах-Илян. Надо убедиться, действительно-ли в них такая чудодейственная сила.

Переночевав в степи, на песке, он утром, положив рожки за пазуху, пошел в город. В доме бая бедняка встретили камчей и чуть не затравили собаками.

Вот это чудо, так чудо!—сказал бедняк, почесывая избитую спину.

Тотчас же он положил на темя рожки Шах-Илян, надел папаху и пошел к другим богачам. К вечеру счастливый бедняк гнал из города целые косяки лошадей, стада овец и коров, и вез на арбах и верблюдах кибитки, сундуки, одежду, хлеб и много другого добра. Расположился он в степи, окружил свое добро злыми псами, а сам пошел по аулам скликать бедняков и вдов.

Утром он все роздал. Бедняки поставили кибитки, поделили поровну имущество, обошли с омачем столько земли, сколько могли обработать; провели себе воду из большого яба—столько, сколько им нужно было—и стали работать. Вдовы и дочери их вышли замуж за бедняков; стали родиться и расти дети, и вскоре аул этот стал самым мирным, счастливым и известным по всей степи.

И называли этот аул Шах-Илян.

Не было в этом ауле ни воровства, ни разбоя, ни ссор и не было нужды, слез и бедняцкого стога.

Счастливый калтаман дожил до глубокой старости, имел сыновей, дочерей, внуков и внучек, и когда он уже был бездыханен, то сердце еще билось в нем три дня, а на четвертый день, когда взошло солнце, он сказал окружающим людям:

Счастье, которое я получил от Шах-Илян, есть ваше счастье и я никому не передам его особо, по наследству. Эй вы, гадон и калтаманы, держите и владейте этим счастьем все вместе, никому не отдавайте, а теперь заройте меня и никогда не забывайте, что счастье народное лежит в его земле и течет в его воде, а достается оно из земли и из воды трудом и миром.

Так умер счастливый бедняк и с тех пор холм, под которым он лежит, называется в народе Шах-Илян-Тепе.

Записано в ауле Орду-Ходжа.

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

№ 8-9.

АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ 1930 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
Института Туркменской Культуры
(год издания четвертый)

Ответственный редактор—Ал. Шершевский.
Зав. редакцией—А. Облонский.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ашхабад, Гоголевская ул., 28.—
Туркменкульт. Тел. 3—49.

В Н О М Е Р Е:

Мих. Шервин.—На пороге третьего года пятилетки.
Г. Фомина.—Путь крови и слез.

Г. Карпов.—Научно-исследовательская работа в ТССР.
О. Гарр.—Всепертуркменское объединение писателей.
М. Скибневский.—Туркменский национальный театр.
В. Тихович.—Театр рабочей молодежи в Ашхабаде.

Н. Зенгер.—Вода в Кара-Кумах.
Н. Назаревский.—Южная точка СССР.
А. Бахтияров.—Осколки аланов. Нухур.
П. Арбеков.—Древности серахского района.
П. Иванов.—Туркменская кибитка.

А. П. [В. В. Бартольд.]

В. Луговской.—Гибель экзотики, Первая песня (стихи)
Г. Санников.—Кельфский Узбой, Баллада о туркменском ковре (стихи).
Н. Тихонов.—Люди Ширама, Искатели воды (стихи).
Л. Леонов.—Саранча (повесть).
П. Комаров.—Ключья жизни (из поэмы „Эпос пустыни“)

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

А. Ковалев.—К. Василевский.—„Ислам на службе контр-революции“.
С. Зуев.—Н. Немченко — „Хлопок в 5-тилетке“ и И. Куприянов — „Хлопководство в новых районах“.
Барфи.—Н. Ерискин.—„Страна таджиков“.
Н. Солянский.—Н. В. Скобелев.—„Среднеазиатские республики“.
*** —Материалы о XVI съезде ВКП(б).
*** —Последние издания КЭПС.

Подписывайтесь на „Туркменоведение“!

Условия подписки (с приложениями): 1 год—5 руб.
9 мес.—4 руб., 6 мес.—2 руб. 75 к., 3 мес.—1 руб. 40 к.,
1 мес.—50 коп. Цена отдельного номера—50 к.

Подписку направляйте: Ашхабад, Гоголевская, 28,—
Издательство Туркменкульты.

При коллективной подписке 20% скидки.

ФОТО НА ОБЛОЖКЕ—А. РЕБЛИНГ.

На пороге третьего года пятилетки

1-А энс.
924(05)
Т 88

Страна Советов вступает в третий год исторической пятилетки. Этот год является хребтовым в реализации величайших планов социалистического преобразования нашей страны, в борьбе за превращение Советского Союза из страны преимущественно аграрной в преимущественно индустриальную.

Сейчас, на пороге третьего года, весьма важно подвести тщательные итоги двухлетней напряженной борьбы за индустриализацию сельского хозяйства.

МИСТЕР СТУАРТ ЧЕЙЗ ПОРАЖАЕТСЯ СМЕЛОСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ

Чтобы достаточно ярко подчеркнуть огромную политическую значимость этих итогов, уместно напомнить отношение зарубежной буржуазии и ее печати к самой идее составления пятилетнего плана развития хозяйства СССР.

Если для нас составление пятилетнего плана означало и означает победу планового социалистического регулирования и воздействия на развитие народного хозяйства страны, то буржуазные экономисты, политики и публицисты, вне зависимости от их географического размещения на территории земного шара, не могли иначе как прощически отзываться о новой «затее» большевиков.

Фашистские, либеральные и социал-демократические борзошмеды буржуазии соперничали между собой в подборе наиболее «крылатых» определений пятилетки, как замысла, обреченного на неудачу при первых же попытках его реализации. Их мозг, способный воспринимать только узаконенные тезисы буржуазной политэкономии, не в силах был примириться с самой мыслью о возможности разработки единого детально разработанного плана развития народного хозяйства какой-либо страны вообще, а такой огромной—как СССР—в особенности. Им казалось невероятным, что большевики, «разрушающие всякие устои человеческого общества», сумеют создать стройную научно рассчитанную перспективу полного преобразования всей страны в течение пяти лет — исторически ничтожного времени. И когда, к великому изумлению многих прорицателей невозможности разработки такого плана, пятилетка была представлена планирующими организациями на рассмотрение правительства, буржуазные газеты, захлебываясь от усердия, помещали произведения «маститых» знатоков экономики под сенсационными заголовками: «Большевистская фантастика», «Жонглирование сказочными цифрами», «Наглый обман общественного мнения», «Пятилетка обречена на полный провал» и т. д., и т. п.

Неистовые шумиха и вой, поднятые за рубежом вокруг пятилетки, отражали по существу не только полнейшее неверие в возможность осуществления «коммунистической выдумки», но и глубокую веру в непогрешимость капиталистических методов ведения хозяйства, уверенность в полном и неизбежном банкротстве всяких стремлений повернуть человечество на другой путь развития, которого история еще не знала.

Наконец, не только вне, но и внутри страны пятилетка была встречена в штыки враждебными пролетариату силами. «Сменовеховцы», чаявшие термидоранского переодевания пролетарской революции, реакционная интеллигенция, нэпманы, кулаки и их идеологи, тчившие себя бесплодной надеждой на капиталистическую реставрацию Советского Союза, полностью солидаризировались со своим зарубежными соратниками по классу.

КУТВ.
У.Б.-на
И.С.СТАЛИНА

А. БАХТИАРОВ

Осколки „исчезнувших“ аланов

Под названием аланов до III века существовало крупное племя кочевников — наездников, принадлежавшее к сарматам. Аланы, или ассы, занимали в то время равнины Северного Кавказа, вплоть до Дона, и в 375 году были покорены гуннами.

Аланы в 410 году проникли вместе со свевами и вандалами в Испанию, затем осели в Португалии, но под напором вестготов, принуждены были вместе с вандалами перебраться в Африку. Такова краткая историческая справка об аланах, исчезнувших в далеком прошлом.

При изучении племенного состава туркмен, удалось выяснить, что незначительная часть аланов (их потомков) проживает в СССР и сопредельных с ней странах.

В частности, в Туркмении аланы встречаются под названием олам в Серахском районе, в составе племени Салыр (ветвь «караман», — см. «Туркменоведение» № 6—7—1930 г. — «Салоры») и улам, в Ходжамбасском районе, где они живут обособленно от туркмен-арсаринцев, сохраняя чистоту крови, не смешиваясь с другими, в том числе и турецкими племенами.

В отличие от туркмен, в быту аланов существуют женские танцы, так называемые — «депт». Обычай кайтарма (возвращение жены в дом отца до выплаты калыма), широко распространенный среди всех туркменских племен, у аланов не распространен. Своих дочерей аланы не выдают в другие туркменские племена; больше того, внутри своего племени, из одного рода в другой, выдают в исключительных случаях и при условии повышенной платы (калыма) за невесту.

Заслуживает также внимания следующая бытовая особенность аланов, которая не встречается у туркмен: при рождении в семье дочери, сосед, имеющий сына, в день рождения приходит во двор новорожденной и своей папхой «подметает» двор, что обозначает желание взять новорожденную своему сыну. После этого, вплоть до совершеннолетия, отец или мать жениха ежегодно в дни праздников Курбана и Ураза-Байрама приносят будущей снохе пищу (плов или козленка), а иногда вместо сестного дарят платок, кушак и т. д.

По заявлению стариков, в далеком прошлом папхай аланов формой напоминали шапки русских казаков, —

высокие, с верхом из цветной материи, при чем приобладал цвет синий и красный. Во времена эмира бухарского, особенно до прихода русских в Бухару, аланы не подчинялись казийскому суду, а разрешали все возникавшие у себя споры и тяжбы на основе своего обычного права (адата).

Мужчины у аланов предпочитали белый цвет платья. При женитьбе у них обязательно строилась новая кибитка (для обрученных), которая покрывалась белой кошмой.

За отсутствием белой, цветная кошма обшивалась белой матой.

Среди туркмен, проживающих в Керкинском округе, «яшмак» носят только женщины племени алан. Язык у аланов туркменский, схожий с диалектом сарыков и помудов.

По сообщению Халык-Хасанова, из аула Улам, Ходжамбасского района, всего аланов, известных ему как в Туркмении, так и за ее пределами, — насчитывается до 1.500 хозяйств. Размещены они в следующих местностях:

По Туркмении: в Ходжамбасском районе — до 400 хозяйств, Халачском — 300, Чаршангинском (в местностях Ак-Кум и Кук-Толлы) — 300, и в Серахском районе.

По УзССР: в Шир-Абадском вилайете, районе Хошман, кишлаке Уч-Тут (около 200 хозяйств) и в Самаркандском округе, около ж. д. станции Хоузек, — свыше 100 хозяйств.

В Таджикской ССР: в Джили-Куле, Кабадиане и Термезе.

В Афганистане: в районах Шиверган, Ахча и Хам-Иб.

Количество аланов, проживающих в Таджикской, ССР и Афганистане — неизвестно.

Аланы, проживающие в Ходжамбасском районе, делятся на следующие роды:

1. Алан, который объединяет колена: Мприш-Кар, Датха, Болук. Аул и Аячкакь
2. Кара-Мугул (который не делятся на колена);
3. Хаким — объединяет: Хаким, Витли, Токуз и Эшек;
4. Кызыл — объединяет колена: Кер, Хоррам, Аошник и Вельке.

Большинство названий колен имеет недавнее происхождение. В частности, колено Аяк-Чак раньше, до прихода аланов в Ходжамбасский район, называлось — Эвлянд-Нур-Али.

Пришли аланы в Ходжамбасский район, как передают старики, с полуострова Мангышлак, где у них имелось большое укрепление под названием Алап. Про-

должительное время они жили в местности «Вас», на юге Хорезмского ханства. В Ходжамбассе первые аланы появились в числе 72 хозяйств лет 250 тому назад. Постепенно перемещались сюда из Хивы и остальные, на протяжении почти ста лет. Окончательно они переместились в бухарские владения лет 150 тому назад.

„Отуркменившееся“ племя Нохур

В 20 верстах на юго-запад от станции Арчман, Бахарденского района, располагаются нохурцы. В настоящее время часть этого племени занимает аул Нохур. Аулу Нохур принадлежат хутора крепости Караул, Куля-Кумбет, Айidere; все они заселены нохурцами. Всего населения — мужчин и женщин, — по данным аулсовета, — 2.794 чел.

По реке Сумбар нохурцами заселены следующие аулы и хутора: 1) Койна-Касыр, 2) Койна-Ходжа, 3) Куруждей, 4) Путин-Кала, 5) Дурды-Хан-Кала, 6) Дузлы-Тепе, 7) Декли-Даш, 8) Таргили. 9) Нур-Кала и 10) Чокур-Юрт. Всего в этих населенных пунктах насчитывается до 3 тысяч нохурцев. Общая численность нохурцев, таким образом (по данным 1928 года), не превышает 6 тысяч человек.

О происхождении нохурцев один из знатоков этого племени, некто Метли-Молла передает следующее предание:

«В далекие времена, в Среднюю Азию пришли войска Александра Македонского. В горных проходах Копет-Дагских гор они встретили упорное сопротивление со стороны прапцев и понесли большие потери. В одном из боев был тяжело ранен один из военачальников Александра Македонского. Раненого пришлось оставить в районе, ныне занимаемом аулом Нохур. Вместе с ним остались еще трое: военачальник небольшого соединения, рядовой воин и чернорабочий, а также несколько женщин-пранок, взятых в боях с персами. Прошло не мало времени. Военачальник выздоровел и решил не возвращаться к войскам Александра Македонского, — он остался жить в Нохуре. От этих то пришельцев и их персидских жен впоследствии и образовались «нохурли».

«Через несколько десятков лет из местности Кушкана (Персия) к нохурцам перекочевало несколько семей из рода Кушкана, и впоследствии к ним присоединилось еще племя Эшек, из местности Хачарган (Персия); во времена Надир-шаха из Джеланра в Нохур прибыло племя Абдурахман и, наконец, незадолго до прихода Чингиз-Хана, из местности Зерне (Персия) переселилось племя Зертли», — повествует далее Метли-Молла.

Таким образом в Нохуре преобладают представители иранского происхождения.

По другим легендам, в Нохур перекочевало племя Джагд-Джгд, из Иерусалима. Время прибытия этого племени не установлено. Джагд-Джгды означает — шум-крик, — поясняют нохурцы.

Примерно в VII столетии, во времена арабского завоевания, в Нохуре осело племя Ходжа.

Как и все другие народности, проживавшие по Арало-Каспийской низменности, нохурцы были завоеваны арабами. Впоследствии, — как передают старики-нохурцы, — здесь побывали войска Чингиз-Хана и Темур-Ляша.

«После Тимура, — передает Метли-Молла, — нохурцы подпали под власть Искандер-хана Арабского. Проживал он в ауле Дурун (в 6 верстах от нынешней станции Бахарден). В ауле же Арчман властвовал некто Эгре-хан, сын Октур-хана».

«Двести сорок лет тому назад, из района Исык-Куля прибыло племя Емрели, которое захватило местность от Геок-Тепе до Кизил-Арвата. Войска Искандер-хана *) были разбиты. Остатки их бежали в Персию, оставив в ауле Арчман своих родственников в числе 10 семей. Потомки их ныне носят название Казим».

Наконец, последними завоевателями нохурцев являются туркмены племени теке, пришедшие во главе с Кеймиз-ханом (жер) с гор Большие Балханы (110—120 лет тому назад).

Текинцы, вытеснив емрелинцев, осели в Геок-Тепе и время от времени производили набеги на нохурцев. Спасаясь от этих набегов, часть нохурцев переселилась в пределы Персии. Однако, нохурцы, вследствие притеснения со стороны персидских ханов, вскоре возвратились на прежние свои места.

В это же время к нохурцам присоединились: узбекский род Хивали из племени Мангытов, род Юзбашни — из туркменского племени човдура, Юзбегни — из племени карадашли, Ан — из племени али-или и из племени сарыков роды: Казы, Чарык и Алама Беденг. Относительно Чарык нохурцы утверждают, что чарыки происходят не от сарыков, и что они — армяне по происхождению.

Перед приходом русских к нохурцам бежали и находили у них приют отдельные лица и семьи из племени гоклан, эсары, сарыков и других.

Нохурцы распадутся на две отдельных группы: нохурли и зертли. Зертли объединяют следующие роды: Кор, Ходжа Нияз и Огры; нохурлы же объединяют роды: Овез-Гельды, Джагд-Джгд, Арваб, Шхата, Ходжа Чарик, Багар, Денджик, Хивали, Ан, Казы, Кушкана, Сыгыр, Юзбашни, Эшен, Мелли, Юзбегни и Абдурахман.

Во время прихода русских войск (в 1881 году) и занятия ими Геок-Тепе, нохурли в боях участия не принимали. После взятия Геок-Тепе русскими, нохурли начали проявлять себя, производя грабежи по текинским аулам. Последнее обстоятельство послужило причиной возникновения острой племенной вражды между нохурли и теке.

Об отношении нохурцев к туркменам можно судить по следующим распространенным среди нохурцев разговорам:

«Святой Хазрет сказал: гокланы в году увидят 7 музыкантов (они любят музыку), помуды в году убьют 7 человек, а из среды теке в году будет выростать 7 баев».

*) Искандер-хана, о котором идет речь, — не следует отождествлять с Александром Македонским.

Похурры еще говорят, что «помуды любят ишанов, гоклены — музыкантов, а теке — того, кто молчит».

Во времена «туркменчиляк», в аулы похурцев и в другие аулы, расположенные по ущельям Копет-

Сунча Али-Или, Мурча-Али и др., до прихода туркмен проживавшими в различных районах Туркмении (Апхабадский, Каахкинский и др.). Судя по преданиям, которые собраны нами среди этих родов, похурцы, Сунча, Али-Или, Мурча-Али и др. до прихода туркмен

Н о х у р

Дага, стеклись представители различных туркменских племен, убегавших от мести или, наоборот, разыскивавших своих противников, чтобы мстить им.

До сих пор похурцы живут обособленно от соседей туркмен-текинцев, и поддерживают связи с родом

с Мангышлака и из Хивы занимали северные склоны гор Копет-Дага, на протяжении от Кизил-Арвата и до реки Тедженки. Некоторые старики-похурцы утверждают, что племя похур в прошлом распространялось вплоть до гор Чарджуи и Антхоя (Афганистан).

На хлопковом поле (фото А. Редлинг)

ТУРКМЕНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

(Туркменские легенды (рассказы), — предлагаемые ниже вниманию наших читателей, записывались в аулах Ташаузского округа со слов престарелых туркмен-рассказчиков, которыми так богат этот район Туркмении.

Для сохранения оригинального стиля, легенды, рассказанные Шамси и Мамед Мети, переводились на русский язык по возможности дословно. РЕД.).

Папш-Дяли-хан.

(Рассказ (легенда) престарелого Яш-Улу)

Записал Э. ФЭЗИ.

...Пока длились пространные приветствия и расспросы, в чугунных чайниках, полузарытых в горячие угли, вскипел кок-чай. Передавая пиалу с чаем своему сверстнику, Яш-Улу посмотрел вокруг себя и увидел нетерпеливое ожидание его рассказа.

С достоинством погладив бороду, он заговорил: «Кому, как не нам — старикам, передать былины минувшего? Когда днем на хармане *) кто-то сказал к слову: «девр-девр, Папш девр», я обещал рассказать о происхождении этого выражения.

Так вот: если считать, что в край русские пришли в год курицы, то тому, как Папш-Дяли был ханом Хорезма, прошло уже около восьми сот лет. В те времена гурты иомудских чарвадаров**) вольно гуляли на просторе хивинских пастбищ. Жизнь текла спокойно. Роды не знали распрей. Табуны и гурты росли с каждым годом. У всякого чарва было по несколько чапанов***).

В глушь степей редко доходили новости города и, встречаясь у колодцев, чопаны передавали друг другу лишь вести узун-кулака о кочевьях.

Среди чопанов бывали свои знаменитости. И во время этого сказа таким был Папш-Дяли. За превосходство в силе и уме пастухи присвоили ему звание хана и он часто разбирал тяжбы и давал советы в различных делах».

*) Ток.

**) Скотовод.

***). Пастух.

Рослый джигит, уходивший из кибитки, возвратился с чилимом в руке. Заправив его углями из костра и раскурив, он стал обходить всех, поднося этот источник кейфа¹⁾ Востока. В чилиме гулко бурлила вода и синий дым, смешиваясь с жаром оджака²⁾, уходил вверх в отверстие юрты.

Яш-Улу заговорил снова:

«Однажды был устроен той³⁾ у одного из пастухов по случаю рождения сына. Все чопаны были званными гостями. Кок-чай, дурама⁴⁾ и палав обильно украшали дастархан⁵⁾ хозяина. Борьба, игры и дутар веселили степных удалцов.

В разгар веселья, когда лучшие певцы восхваляли богатырей иомудских племен и звуки туюдюка далеко врзались в степное безмолвие, усталый, в пыли, пришел чолык⁶⁾ из коша Папш-Дяли с вестью, что люди хивинского хана описали скот для получения закета⁷⁾.

«Значит нашлись ханы и нод Папш-Дяли!» — презрительно вымолвил Папш и приказал немедленно разослать по всем пастбищам джарчи (вестников), чтобы от каждого коша был снаряжен один чопан на верблюде с припасами на путь до Хивы и обратно.

Через несколько дней у кибитки Папш-Дяли собрались сотни пастухов и во главе со своим ханом двинулись на Хиву. По пескам и такырам, то в золотистых лучах заката, то в стальном полумраке надвигающейся темной ночи, от колодца к колодцу, мерно двигались узкой лентой верблюды. Наконец, показался зеленый оазис, исполосованный арыками, вырытыми нечеловеческими трудами хошарных⁸⁾ работ. Над плоскими крышами выделялись минареты, отливая голубой глазурью полукруглых куполов.

По дороге то и дело встречались узбеки в пестрых халатах на покорных ишачках, разводящих болтающимися ушами при каждом движении своего седока.

Караван пришел в Хиву. Живым потоком влился он по узким переулкам на площадь против дворца хана и шумливой гурьбой заполнил ее.

Папш-Дяли выделил часть своей свиты и под предлогом, что он явился с прошением к хану, прошел через ряды охраны. Чудные узоры ханских хором, мягкие ковры и шуршанье шелковых одежд придворных не отвлекли внимания пастухов, — они не признавали другой красоты, кроме раздолья кочевий, не знали милей звуков, чем песнь камыша в багряные вечера и гул барханов при серебрящей луне.

Первым словом Папш-Дяли после селяма было: «ты ли пан Хивы?» И вместе с важным ответом — «да» — на голову хана опустилась крепкая палка чопана. Кутли-Мурад-Хан, отец Сеид Мухамед-хана скатился к ногам чопана, сметая пыль с его чокая⁹⁾. Большая часть визиров была перебита и лишь немногие спаслись бегством.

Между тем, товарищи Папш-Дяли разоружили растерявшуюся охрану и по городу скакали всадники, об'являя о вступлении на престол Папш-Дяли-хана.

¹⁾ Радости.

²⁾ Очаг.

³⁾ Праздник.

⁴⁾ Бульон с хлебом.

⁵⁾ Скатерть (в смысле стол)

⁶⁾ Подпасок.

⁷⁾ Религиозный налог.

⁸⁾ Натурповинность.

⁹⁾ Обувь, подобная лаптям.

Рис. худ. ГЕРАСИМОВА.

ТУРКМЕН-РАССКАЗЧИК.

Так чопан стал ханом. Весть об этом быстро распространилась среди иомудских племен. Издавна питавшие ненависть к торгашескому городу, иомуды тысячами стеклись в Хиву для наживы. Везде слышны были восклицания: «Девр-девр, Папш девр!».

Однако, пока город пребывал в беспорядках и грабежах, сторонники хивинского хана, сгруппировав свои силы в Хазар-Аспе, на седьмой день ханствования Папш-Дяли подошли к Хиве.

Кто мог выйти на защиту города?—Пастухи ли с их палками, появление войск для которых было снегом на голову, или остальные,—пьяные хмелем грабежа? Не встретив сопротивления, узбеки бросились в город с кличем «пир-яр» и захватили город, вырезав до одного всех иомудов. В том числе погиб Папш-Дяли-хан.

Клич «пир-яр» до сих пор сохранился в памяти народа. Вот все, что передавали нам старики, все, что сохранила степь о единственном и о сердечном хане Хивы из иомудов».

Яш-Улу кончил рассказ. Нас ждал ужин.

Легенда старого Шамси.

Записал Б. ЧЕПРУНОВ.

... Когда Джучи—сын Тимучина *)—оставил Хорезм, залитый кровью его детей, тогда и рассыпалось древнее царство. Ушел жестокий вождь, по кличу отца своего, в далекие холодные страны и не осталось правителя в столице Хорезма — Гургандже. Раздробилось без пастуха стадо и стало царство добычей смелых людей.

Война была каждый день—каждый храбрый становился ханом крепости, и сколько было крепостей в Хорезме столько появилось и ханов.

Опускались у народа руки. Никто не чистил ябы-каналы**), не следил за сыпучими песками и не обрабатывал землю.

Старый Джейхун ***) стал постепенно забрасывать илом многоверстные дарьялыки****); забелели солонцом брошенные поля и из-за мертвых песков стал грозиться голод.

В то время самым сильным среди наследников хорезм-шахов был есаул Мухаммад Куб'этдина-Батыр-хан. Завладел он самой большой и непреступной крепостью Хорезма около черных гор. Смел был Батыр-хан и храбр—никто не мог устоять против него—бил он всех соседей своих.

Много золота и драгоценных камней было у Батыр-хана. Удача храброму, награда смелому—и шли все воины к Батыр-хану. Щедр он был и награждал воинов из казны врагов—по числу голов, взятых с битвы.

Собрались как-то все соседи правой стороны Хорезма и вместе пошли на свое горе—на Батыр-хана, но разбил их свирепый вождь, снял головы с ханов и забрал их богатства себе. Никто уж потом не мог устоять против злого Батыр-хана,—ни одна крепость, ни одно племя, и покорил от всю правую сторону Хорезма, собрал весь народ под свою руку.

Смеялся Батыр-хан: «Изнежились хорезмшахи, не могли править народом. Сдались щенку Тимучина-монгола; не таков Батыр-хан—придет время, соберу я весь Хорезм, сильнее прежнего сделаю его и Тимучина-монгола не оставлю в покое».

Батыр-хан был молод. Разбогатев, решил он жениться, чтобы было кому под старость царство и богатство передать.

Донесли Батыр-хану, что умнее и красивее прекрасной дочери Нисая, дяди последнего хорезм-шаха, в Хорезме нет.

— Надо сватов посылать,—предложили Батыр-хану его советники.

Рассмеялся гордый Батыр: «Сватом я сам пойду и большое приданное возьму. Денег не надо мне—хочу, чтобы навеки была известна моя свадьба. Хочу, чтобы невеста моя стоила тысячу-тысяч жизней. В крови родится у меня сын и завоюет он весь мир». И объявил Батыр-хан в тот же день поход на Нисая.

*) Чингиз-хан.

**) Большие каналы.

***) Аму Дарья.

****) Оросительные каналы.

Долго защищался Нисай. Даже женщины и дети помогали отбиваться от злого хана,—знали они, что нет жалости у Батыра к побежденным и что для счета убитых не пожалеет он лишних голов.

Но закрыл воду Батыр-хан—не стало пищи в крепости и пала старая кала.*)

Лилась кровь рекой под мечами воинов-победителей. Никого не щадили. Только Нисаю, своего тестя будущего, с семейством его, не велел трогать хан-победитель. Дочь же его—прекрасную Саадат—приказал Батыр разыскать и показать ему прежде, чем она будет отправлена в его крепость вместе с добычей.

Когда в'ехал Батыр-хан в крепость, велел он позвать советников своих и диванов-писцов.

—Сделал я, как хотел, и взял невесту себе—сказал он им.—Пусть Карабек ведет счет головам—много ли жизней стоила невеста моя. Завести о том запись и наградить воинов, как обычно.

—Хисаб-счет—сказал тысячникам Карабек-мингбаши.

—Хисаб-счет—закричали сотенным юзбаши, и рассыпался крик по всему стану.

Побежали воины по крепости и по городу. Голодными волками набрасывались они на лежавших на земле после битвы защитников крепости и складывали в широкие ходжумы**) головы убитых и раненых. Ловили они также уцелевших жителей калы и снимали с них головы—для счета.

На высоком майдане, за крепостью, сидел Карабек с диванами***). Несли к нему воины хорджумы с логовами и вытряхивали их перед ним.

—Бир,—кричал каждый воин, бросая голову на майдан.

—Бир,—вторили диваны.

—Бир,—говорил Карабек и сидя на корточках отмечал сотенную голову.

И тут же награждал Карабек каждого воина по числу голов убитых им врагов наградой, установленной Батыр-ханом.

В это время нежился Батыр-хан на мягких коврах Нисая и ленивой рукой пересыпал самоцветные камни.

—Сколько же,—спросил он, когда вошел Карабек.

—Могучий хан-повелитель, никогда еще в наших битвах по Хорезму не было столько голов. Без пяти голов двести сотен отметили хисабчи,—ответил Карабек.

—Так мало? Даже неполных двести сотен. А джучи? У него было две тысячи сотен,—недовольно протянул Батыр.

—У Джучи я сам вел счет, могучий хан. Меня потом подобрали большого твои воины. Всех голов было девятьсот сотен, но гордость Джучи не позволила ему записать меньше,—отвечал Карабек, низко склонив голову.

—Когда я возьму Самарканд,—смеялся Батыр-хан,—я насчитаю пять тысяч сотен. Пусть будет у меня здесь две тысячи сотен, как у Джучи, но до двухсотой сотни ты дополни.

Ударил Батыр-хан по медному тазу ногой и приказал воинам привести пленных. Ввели те старого Нисаю и советников его.

—Голов нехватает тесть мой благородный,—обратился к побежденному Батыр,—не сердись на зятя.

Кивнул головой Батыр воянам. Ударили те по ногам пленников и схватили их за подбородки...

*) Крепость.

**) Переметные суммы.

***) Чиновник.

* * *

Три дня и три ночи пировали шакалы Батыр-хана в побежденной крепости, пока вонь от непоеденных псами и птицами трупов не прогнала их прочь.

Потянулись воины в свое гнездо, в неприступную крепость около черных гор, готовиться к новым походам, к новым битвам.

А Батыр-хан уже мечтал:

«Теперь весь Хорезм мой. Прогоню Тимучина-монгола из Самарканды и восстановлю Хорезм до старых границ—от моря Баку до Инда-реки и до моря Амана. Не будет сильнее меня хана на земле.»

Радовали Батыра караваны с добычей из калы Хазор-хана, но больше всего радовала его прекрасная дочь Нисая, с глубокими глазами. Еще с дороги послал Батыр гонцов в крепость—приготовить все к свадьбе.

День и ночь трудились мастера, украшая дворец хана для его невесты. Провели они в каждую комнату дворца фонтаны от чистых горных родников, затянули стены китайским шелком, слюдой закрыли окна и настелили на полы дворца ковры из Хоросана.

Поселил Батыр-хан во дворце свою невесту с тридцатью девятью девушками из Хазор-калы и приказал им веселить Саадат и внушать ей любовь к могучему хану. Добычу же, взятую из Хазор-калы велел Батыр отдать дочери Нисая.

Плакала Саадат над вещами своего отца.

Чтобы простила ему Саадат смерть отца и матери, велел Батыр воздвигнуть в Хазор-кале пышную могилу Нисаю и Хурре.

Из привезенного из Хиндустана темно-зеленого нефрита высекли мастера дорогие надгробья погибшему хану с женой и закрыли их высокими куполами.

Но ничем не могла утешиться Саадат. Не могла она простить ханазолима *). Стали блекнуть от горя ее щеки и ослабело тело от тоски. Испугался хан за свою невесту и послал к ней табиба **). Долго смотрел старый табиб на печальную Саадат пока не прочел, наконец, в глубоких ее глазах смерти.

— Больна, хан, невеста твоя, в глазах ее я увидел смерть,—сказал Батыру табиб.—Но не телом больна она, а душой. Пусти ее на свободу—тогда уйдет от нее смерть и она будет здорова.

Разгневался Батыр-хан на мудрого табиба и приказал отвести старика вглубь песков и бросить его там без воды и пищи.

И стал томиться хан, не зная чем заслужить любовь Саадат. Не радовался он больше ни своему богатству, ни власти.

Однажды принес старый Нух с границы Хорезма письмо Карабека Тимучину.

Писал Карабек: „Болен Батыр-хан и ослабело его войско. Не может он собрать Хорезм в одно царство. С малыми силами может Джучи опять овладеть Хорезмом. Я—Карабек—поведу Джучи тайно в крепость Батыр-хана и сдам ее без боя. Не медли, Джучи! За мою службу прошу отдать мне только дочь Нисая“.

Загорелись гневом глаза Батыр-хана. Овладел он своей волей и велел позвать Карабека.

— Хочу вознаградить тебя, Карабек, за твою службу, и нет той награды, которую я не дал бы тебе. Проси!

*) Злодей.

**) Врач.

Скрыл Карабек свою радость.—Могучий хан, все у меня есть. Ты всегда был щедр к твоим слугам и воинам. Прошу одного—пусти меня домой. Я устал от битв.

Холодело лицо Батыр-хана от гнева, но ласков он был с Карабеком:—ни в чем не могу отказать тебе, Карабек, и отпущу домой, как сказал. Но прошу, и ты не откажи мне—хану. Хочу, чтобы ты возвратился на свою родину чистым, без зла и с любовью ко мне. Оставь здесь все, что есть у тебя недостойное воина.

— Ты мудр, могучий хан. Если есть что у меня недостойное воина в добыче, которую ты мне дал, или в слугах, рабах, или в чем другом—возьми.

Не удержал долее своего гнева Батыр-хан.—Ты сам сказал, собака—закричал он на Карабека. Недостойны воина твой язык, что лжет, глаза твои, что помогают ему. Их я возьму у тебя, их ты оставишь здесь и тогда будешь чист, а рабов и добычу я дарю тебе за твою службу... И приказал Батыр-хан отрезать язык и выколоть глаза Карабеку, и отправить его в Самарканд, а Тимучину-монголу написать: „Только Мухаммед-Куб—этдин был парикмахером для слуг Тимучина, а Батыр-хан не умеет брить бород, он снимает головы, о чем посланный предупредит Тимучина, если сможет“.

Прогнал Карабек болезнь Батыр-хана. Очнулся он и исполнил совет своего визиря. Велел он палками выгнать мамку из крепости за ее глупые советы и приказал воинам готовиться к новым походам за грани Хорезма, а сам пошел к дочери Нисая.

— Три дня даю тебе сроку, а через три дня ты будешь моей женой. Ты лишена любви, если отвергаешь меня—хана Хорезма—сказал ей Батыр.

Не ответила Саадат Батыр-хану, не взглянула даже на него. В гневе приказал хан поселить ее на три дня в северную башню крепости, чтобы было ей время перед свадьбой подумать.

Уговаривали девушки Саадат—покориться хану, соблазняли ее властью и богатством Батыра и грозили гневом, но плакала Саадат:

— Со зверем—жизнь смерть. Умру я, но женой Батыр-хана-залима не буду. Умру я, умрете и вы—не простит вам хан, что не уговорили меня, и велит казнить всех вас мучительной смертью. Пусть злой хан ничего не получит от нас.

* * *

Высоко на горном утесе стояла крепость Батыр-хана. Крепко была построена она старыми хорезм-шахами. На темную сторону крепости выходила ее северная башня, куда посадили Саадат с прислужницами. Глубоко под башней шумел глубокий арык, торопливо пробираясь между острыми камнями. Жутки были гранитные ребра пропасти, и никто, кроме сов, да летучих мышей, не нарушал ее могильной тишины.

Лениво смотрел сторожевой воин на башню, где томилось сорок девушек, и думал о ласках их. Вдруг мелькнула от башни белая чайка и пропала далеко вниз. Очнулся от дум воин: „видно, лиса потревожила в ночной час чаек на отмели Джейхуна, что замелькали они от башни к пропасти“.

Сорок белых чаек, безшумно пролетевших в воздухе, насчитал воин, и опять задремал.

Громко плакали в ту светлую ночь совы...

Рис. худ. ГЕРАСИМОВА

В окрестностях аула Багир.

Шумела неприступная кала^{* * *} Батар-хана, готовясь к свадьбе грозного повелителя.

Приказал Батыр-хан оповестить весь народ о своей свадьбе с дочерью Нисая и всех звал на щедрый праздник. Широко распахнулись ворота крепости для гостей хана, и стекались гости со всех концов Хорезма. Всех приказал встречать Батыр-хан и для всех распорядился готовить подарки из своей богатой казны.

Уж горячили воины и земледельцы своих коней для скачек, пробовали свои силы могучие палваны-борцы и ревели круторогие бараны-самцы, чуя запахи своих соперников.

Всю ночь перед свадьбой не угасали тысячи костров в крепости.

На утро приказал хан обрядить Саадат в лучшие одежды и привести ее во дворец.

Но не нашли слуги Саадат. Пуста была северная башня. Лишь далеко, далеко внизу, на дне темного ущелья, разглядели слуги сорок мертвых девушек в белых хитонах.

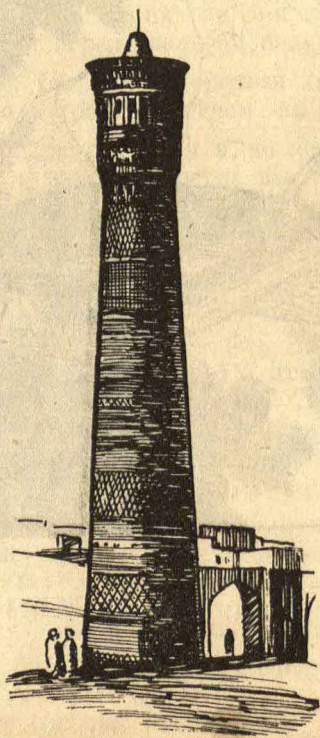
Долго молчали слуги и никто из них не мог решиться передать страшную весть гневному хану.

Нетерпелив был Батыр-хан и сам вышел встретить свою невесту. Упали, шедшие ему навстречу, слуги. Никто не смел поднять головы от земли и только старый советник хана сказал ему, что нет его невесты, что лежит она мертвая на дне пропасти.

Как мягкий спелый арбуз лопнула голова старого советника от удара ханского меча.

Побежал хан сам в северную башню.

Помутился там разум у Батыр-хана,—прыгнул он из окна северной башни и, как черный коршун, полетел вниз за мертвыми «чайками» на дно ущелья.

Легенда Мамеда Мети.

Записал В. БАРАБАШ.

Очень давно жил могучий Султан, по имени Санджар. Все ему было доступно и не знал он отказа ни в чем. Много имел Санджар в своей кале жен-красавиц.

В Хорезме в то время жил хан, по имени Тара-бай, и была у него дочь-красавица, любимым занятием которой было кататься на челноке и купаться в Аму-Дарье.

Многие сватались за красавицу, но отец не хотел отдавать замуж свою любимую дочь против ее воли.

В числе сватов оказался и султан-Санджар, обещавший Тара-баю все, что он пожелает. Но и ему тоже было отказано.

Тогда султан-Санджар сделал налет на Тара-бая, с целью взять его дочь силой.

Но даже убив Тара-бая, Санджар все-таки не мог захватить его дочь—она села в свою лодку и уплыла.

Султан Санджар был сильным на земле, но на воде он ничего не мог сделать. Тогда согнал Санджар всех дехкан и велел им изменить русло Аму-Дарьи.

Капая каналы по всем направлениям, он думал, что таким образом высушит Аму-Дарью.

Больше года работали дехкане, в сотни рукавов пустили они в одно красавицу поймать так и не удалось.

От стыда султан Санджар, около Питняна, вошел в землю, а вышел из нее в районе Мерва.

Местность, где сошла на берег красавица была названа—„Бора-киз“ (идет девушка). Отверстие, в которое вошел султан Санджар затопило водой и там образовалось соленое озеро, прозванное Туз-Султан-Санджар (соленое озеро).

